

**Эсхил**

# **Драмы Эсхила**

**Том 1**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Э88

Э88      **Эсхил**  
Драмы Эсхила: Том 1 / Эсхил – М.: Книга по Требованию, 2022. – 331 с.

**ISBN 978-5-521-39331-2**

**ISBN 978-5-521-39331-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



часть есть чувственное выраженіе утраченнаго блаженства, вторая — картина страданія и третья — возрожденіе къ лучшей блаженной жизни, какъ плодъ страданія, возмездіе за страданія.

Но въ древности не одни были только Элевзинскія таинства. Были еще таинства Діонисовы \*) (Діонисъ - Вакхъ, извѣстный подъ тремя именами: Загрея, Бромія, Іакха), Самоеракійскія, Финикійскія, Фригійскія и наконецъ таинства, въ которыхъ заключается основаніе всѣхъ другихъ таинствъ древности — таинства Озириса. \*\*) Миѳъ объ Озирисѣ заключается въ слѣдующемъ: сначала — время славы этаго бога, царя Египта, время завоеванія Индіи, пора счастья и благоденствія народа; но вдругъ повѣялъ на Египетъ самумъ. Этотъ самумъ является въ видѣ страшнаго огромнаго змія Тифона, который свергаетъ съ престола Озириса, изрубаетъ тѣло его въ куски и бросаетъ эти куски въ волны Нила. По другимъ Тифонъ — братъ Озириса. Далѣе Изида, супруга Озириса, подобно Димитрѣ, \*\*\*) странствуетъ по землѣ въ поискахъ за тѣломъ своего супруга. Наконецъ наступаетъ для Египта пора возрожденія: Изида находитъ разрозненные

---

\*) «Дадухъ, управлявшій церемоніями элевзинъ, былъ главнымъ лицомъ и въ Діонисіяхъ: въ этомъ согласны большая часть ученыхъ (См. Элевз. таинства. Соврем. 1847.), что указываетъ на связь тайныхъ богослуженій Цереры и Вакха» (Діониса).

\*\*) Озирисъ по Геродоту тотъ же Діонисъ. Herodot. lib. II, cc. 42 и 144.

\*\*\*) Изида тоже, что Димитра у Эллиновъ. Herodot. lib. II. 59.

члены тѣла Озирисова, соединяетъ ихъ и воздвигаетъ алтари возрожденному богу. Эта исторія — мистерія, исторія, заключающая въ себѣ загадочный, таинственный смыслъ, состоитъ, слѣдовательно, также, какъ и миѳъ о Димитрѣ и Персефонѣ, изъ трехъ частей: 1-я — потерянное блаженство; 2-я — страданіе; 3-я — возрожденіе. Эта мистерія Озириса занесена была и въ Грецію; только въ Греціи Озирисъ переименовывается въ Діониса; но дѣло не въ названіи, а въ идеи миѳа. Греческій Озирисъ-Діонисъ также изрубленъ въ куски (въ бою съ Титанами, посланными Герой) и также, въ періодъ блаженства, завоевалъ Индію, какъ и Озирисъ. Изида въ Греческой мистеріи Діониса называется Аѳиной, которая приноситъ члены умершаго бога къ отцу Зевсу, \*) и Діонисъ (Загревъ) возрождается послѣ трехдневнаго пребыванія въ аду. Миѳъ Озириса-Діониса встрѣчаемъ также и у Финикійцевъ на ихъ празднествахъ-мистеріяхъ Адоная (Адониса), котораго (вмѣсто Тифона) убиваетъ вепрь. Въ этихъ мистеріяхъ Озирисъ называется Адонаемъ, Изида — Астартой (Афродита), Тифонъ — вепрь. Во Фригійскихъ мистеріяхъ Озирисъ — Аттисъ, а Изида — Цибеле ( *magna mater deorum* ). Что касается до Самоерійскихъ мистерій, то онѣ походили на Элевзинскія, только тамъ Димитра называлась Аксіеросомъ, Персефона — Аксіохерзою, Плутонъ — Аксіохерзосомъ. Эти послѣднія ми-

---

\*) По свидѣтельству Нонна, Паллада передаетъ Діониса-Вакха Элевзинскимъ жрицамъ.

стеріи занесены съ Востока, вѣроятно, миссіонерами восточной жреческой касты; а Элевзинскія—уже позднѣйшій перифразъ Самоѳракійскихъ таинствъ. Но содержаніе таинствъ вездѣ одно и тоже; это — миѳъ, заключающій въ себѣ три фаза: блаженство, страданіе и возрожденіе. Эти три фаза, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ *трилогію* (троесловіе) и должны заключать въ себѣ полный, законченный миѳическій кругъ. — Пока трилогія-мистерія вращалась въ средѣ жреческой касты, она была таинствомъ; идея ея объяснялась жрецами, но только въ символахъ, да и то только посвящаемымъ, которые сначала должны были выдержать строжайшій искусъ и потомъ давали обѣтъ молчать о томъ, что имъ открыли. Но такъ какъ тайна, какъ бы она ни была таинственна и сколько бы ни была скрывается, все-таки выходитъ когда-нибудь наружу, то и здѣсь случилось тоже самое, и толкователями идеи мистеріи-трилогіи являются вмѣсто жрецовъ поэты-драматурги, которые, будучи посвящены въ тайный смыслъ мистерій, постигнувъ идею мистерій, не утерпѣли; чтобы не подѣлиться тѣмъ, что они знали, съ массой народа. Поэтому не безъ причины же обвиняли Эсхила, что онъ открылъ часть Элевзинскихъ таинствъ народу.

На Востокѣ и въ Египтѣ мистерія-трилогія была достояніемъ одной только жреческой касты, и ограничилась *мистеріей*; подъ небомъ Эллады эта же *мистерія*-трилогія пошла далѣе и, подъ перомъ поэтовъ, становится *трагической трилогіей*, дѣлаясь достояніемъ

всего народа. Ученіе мистеріи-трилогіи существовало до позднѣйшихъ временъ римскаго всемірнаго владычества и уступаетъ наконецъ мѣсто ученію Христіанскому; трагическая же трилогія, быстро разцвѣтши, скоро терлетъ свой религіозный характеръ, и миѳъ смѣняется обыденной жизнью.

Трагическая трилогія состояла изъ трехъ драмъ, соотвѣтствующихъ тремъ частямъ трилогіи - мистеріи; первая драма — картина потеряннаго блаженства; вторая — страданіе; третья — возрожденіе. Слѣдовательно въ трагической трилогіи идея обща съ трилогіей-мистеріей; имена же дѣйствующихъ лицъ въ трагическихъ трилогіяхъ мѣнялись по волѣ поэта, такъ какъ въ трилогіяхъ-мистеріяхъ онѣ мѣнялись по произволу жрецовъ, примѣнявшихся къ мѣстнымъ преданіямъ: но дѣло не въ именахъ, а въ идеи миѳа.

Идея миѳа имѣетъ цѣль законодательную, цѣль общую со всякимъ религіознымъ учрежденіемъ. Бѣольшая часть религіозныхъ учрежденій есть самое вѣрное средство обуздывать противуестественные порывы страстей массы. Мыслители древности, Цицеронъ и Сенека, сами не вѣря въ боговъ, хотя лицемѣрно, но все таки предлагаютъ уважать народную религію, какъ государственное учрежденіе. \*) Исократъ хвалитъ мистеріи также какъ государственное учрежденіе. \*\*).

Колыбель мистерій — вѣроятно, Востокъ,

\*) Cic. De nat. deorum. III. 2. 5.; о Сенека August. De civitate Dei, VI, 10.

\*\*) Isocrates. Panegy. VI. 59.

колыбель Индо-Европейскихъ народовъ, цвѣтущія долины Кашемира, напоминающія рай Моисея, откуда, быть можетъ, Озирисъ — Діонисъ и завоевалъ Индію. Съ Востока таинство-трилогія переселяется на берега Средиземнаго моря, и между прочимъ въ Египетъ, гдѣ восточный миѳъ является въ новомъ фазѣ. Это — исторія Озириса и Изиды. Далѣе миѳъ переселяется въ Грецію, и въ Элевзисѣ гіерофантъ (толкователь таинствъ посвящаемымъ), рассказывая исторію Димитры и Персефоны, похищеніе послѣдней въ область мрака и печали и ея возвращеніе въ свѣтъ, или свѣтлую обитель боговъ, открывалъ избраннымъ-посвящаемымъ тройственную идею мистеріи. Желаящій быть посвященнымъ въ эти «таинства», долженъ былъ отречься отъ тѣла для духа; онъ постился, умерщвлялъ свою плоть, чтобы быть достойнымъ услышать священныя рѣчи гіерофанта въ назначенный день. И вотъ наконецъ наступалъ этотъ блаженный день посвященія, въ который невиданное должно было возстать предъ очами посвящаемого, неслыханное до глубины души должно было проникнуть его, и онъ возрождался въ новую жизнь. «Блаженъ, — говоритъ Пиндаръ, — блаженъ тотъ, кто сходитъ въ область смерти, увидѣвъ эти таинства, потому что онъ узналъ предѣлы жизни, онъ узналъ царство, дарованное Зевсомъ». «Димитра, — говоритъ Исократъ, — научила насъ тайнамъ, которыя даютъ намъ надежду получить послѣ этой жизни блаженство жизни безконечной». И у Цицерона также читаемъ: «посвященіе въ эти таинства научило

насъ быть счастливыми не только въ здѣшней жизни, но и умереть съ лучшею надеждою». Въ этотъ день посвященія посвящаемый сначала долженъ былъ бродить во тьмѣ, что, вѣроятно, устроено было жрецами для того, чтобы посвящаемого сильнѣе поразили внезапный переходъ изъ тьмы къ свѣту, изъ области мрака, символа печали и страданія, въ свѣтлый міръ радости. И вотъ посвящаемый слышитъ священныя, таинственныя рѣчи гіерофанта, облеченнаго въ блестящія одежды; вдали слышны хоры, чарующіе слухъ, и музыка; символы слѣдуютъ за символами; передъ посвящаемымъ возстаетъ сначала картина потеряннаго блаженства; есть надежда возвратить это блаженство, но только тяжелою цѣною страданія и смерти.

Эсхиль былъ также посвященъ въ таинства, \*) и онъ же, какъ ужь сказано, былъ обвиняемъ въ томъ, что открылъ часть таинствъ, о чемъ говоритъ Аристотель \*\*). На это вотъ послѣднее обстоятельство и должно обратить главнѣйшее вниманіе, какъ на фактъ чрезвычайно знаменательный. Поэтъ обнародовалъ идею таинства-трилогіи; — но за то онъ — отецъ Греческой трагической трилогіи.

Если Эсхиль обнародовалъ идею мистеріи, то, разумѣется, объяснилъ эту идею рѣчью болѣе или менѣе понятною, но все таки мѣстами *таинственною*; поэтому вотъ, быть можетъ, и говоритъ Аристотель, что Эсхиль открылъ только *часть мистерій*. Открывая

---

\*) Aristoph. Ranae, v. 866 sqq.

\*\*) Aristot. Eth. Nicom. III. 2.

идею мистерій, Эсхиль далъ дѣйствующимъ лицамъ бѣльшей части своихъ трилогій имена, взятыя изъ Гомера; между тѣмъ какъ имена дѣйствующихъ лицъ въ мистеріяхъ-трилогіяхъ вовсе не гомеровскія, а восточнаго происхожденія (Озирисъ, Адонай, Аттисъ, Діонисъ и проч.). И Эсхиль, проводя въ народъ идею трилогіи, какъ и жрецы, примѣняясь къ мѣстнымъ преданіямъ, старался примирять въ своихъ произведеніяхъ восточный элементъ съ національнымъ эллинскимъ; въ Эсхилловыхъ трагедіяхъ-трилогіяхъ еще явны слѣды Востока, проявляющаго себя въ тифонообразныхъ формахъ гигантовъ, или отвратительно-страшныхъ Эриніяхъ, со змѣями въ волосахъ, составляющихъ хоръ въ «Эвменидахъ», чего уже не встрѣчаемъ у позднѣйшихъ греческихъ поэтовъ-драматурговъ.

До насъ дошла, благодаря случаю, одна полная трилогія Эсхила. Трилогія эта называется «Орестейей», — по имени Ореста, сына Агамемнона, царя Аргосскаго; — она дана была на Аѣинскомъ театрѣ, въ 459 году до Р. Х., \* когда заключенъ былъ вооруженный союзъ между Аргосомъ и Аѣинами, вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ между Аѣинянами и Спартакцами. Чтобы освятить этотъ союзъ стариннымъ мѣстнымъ преданіемъ, Эсхиль влагаетъ въ уста Оресту (въ «Эвменидахъ») слѣдующія слова:

---

\*) См. ὑπόθεσις ad Aesch. Agamemn. въ Aesch. quae supersunt, ed. Dr. R. A. Klausen. Gothae et Erfordiae. 1833.

Твоей землѣ \*) и твоему народу  
 Даю присягу навсегда я въ томъ,  
 Что ни одинъ сюда земли Аргосской  
 Правитель не придетъ, грозя войною.  
 Хоть сами будемъ мы уже въ могилѣ  
 Похороненные, пошлемъ отсюда  
 Несчастья неизбѣжныя всѣмъ тѣмъ,  
 Кто вздумалъ бы нарушить ту присягу,  
 Которую себя мы обязали.

и дальше:

Но если же  
 Присяга эта свято сохранится,  
 И граждане всегда въ вооруженномъ  
 Союзѣ будутъ съ городомъ Паллады,  
 Тогда благоволить мы будемъ имъ \*\*).

---

Мы видѣли, что содержаніемъ трилогіи-мистеріи былъ миѳъ объ Озирисѣ (онъ же — миѳъ объ Діонисѣ, Персефонѣ съ Димитрой и т. д.). Содержаніемъ трилогіи-трагедіи является тотъ же миѳъ тройной идеи блаженства, страданія и возрожденія. Но миѳъ этотъ, по идеѣ, сначала имѣлъ единственное приложеніе въ «тайнствахъ», перифразировался, сообразно съ мѣстными условіями-преданіями; дѣйствующія лица его являлись въ различныхъ формахъ; но по идеѣ этотъ миѳъ оставался вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же. Покуда этотъ миѳъ ограничивался предѣлами Востока, дѣйствующія въ немъ лица являются въ странныхъ, чудовищныхъ формахъ; но какъ скоро онъ получаетъ право гражданства у

---

\*) Орестъ говоритъ эти слова, обращаясь къ богинѣ Аѳинѣ—Палладѣ, покровительницѣ города Аѳинъ.

\*\*) См. Эсхила «Эвмениды». Эпизодъ IV.

Эллиновъ, то дѣйствующія лица его дѣлаются болѣе и болѣе человѣчными по формѣ. На тему одного основнаго мѣа Эллинъ, одаренный богатой фантазіей, слагаетъ множество мѣовъ; и всѣ эти мѣы должны быть разсматриваемы, какъ тройственные по идеѣ. Но свойство слагать множество мѣовъ на одну тему тройной идеи не принадлежитъ исключительно одной только Эллинской націи; то же свойство замѣчаемъ и у другихъ народовъ: однако нельзя не согласиться, что пальму первенства въ этомъ должно присудить Эллинамъ.

Отъ Индійскаго Брамъ до Скандинавскаго Бальдера повторяется въ сущности одна и та же исторія, потому что и мѣъ о Брамѣ, и мѣъ о Бальдерѣ имѣютъ одно общее основаніе тройной идеи. Сколько это вѣрно, увидимъ дальше. Въ фантазіи у всѣхъ народовъ разрабатывался одинъ и тотъ же мѣъ, потому что идея этаго мѣа общечеловѣчна: этотъ мѣъ есть аллегорія процесса человѣческой *земной* жизни, все равно, будь это жизнь Индійца, или Скандинава, Азіата, или Европейца. Сначала — младенчество, ребяческій возрастъ, когда все представляется намъ въ розовомъ свѣтѣ; бываютъ маленькія непріятности, но онѣ скоро забываются; поэтому вотъ большую часть дѣтей почти всегда можно встрѣтить съ веселыми личиками. За ребячествомъ наступаетъ пора испытаній, тяжелая пора человѣческой жизни, борьба съ различными обстоятельствами; и погибаетъ иной смертный въ этой трудной борьбѣ, такъ что смерть кажется ему исходнымъ пунктомъ

нестерпимаго страданія \*). И нельзя не замѣтить, что въ каждомъ миѣ сцена третьяго акта (возрожденія) — вовсе не земля, потому что всѣ главные герои миѣ умираютъ, и Озирись, и Аттись и проч. Стало быть пора ихъ безконечнаго блаженства, какъ слѣдствіе возрожденія путемъ страданія, принадлежитъ уже загробной жизни. Если миѣ—общечеловѣченъ, то и идея блаженной загробной жизни — обща всѣмъ народамъ: отъ Индійцевъ и Персовъ до Грековъ и Скандинавовъ.

Колыбелью основнаго миѣ можно считать Востокъ. Тамъ древнѣйшій фазъ этаго миѣ есть исторія Брамь, индійскаго бога. Только что сотворенный, Брама очутился сидящимъ на цвѣткѣ лотусъ, растеніи жаркаго климата \*\*) Чуденъ былъ видъ этаго бога: у

\*) Впрочемъ такой смертный будетъ уже исключительнымъ явленіемъ; большая часть смертныхъ махнѣтъ на всё рукой, да и живѣтъ себѣ весь *въкѣ*, примѣняясь къ условіямъ общественной жизни, подчиняясь предразсудкамъ общества; и за это заслуживаетъ иной смертный иногда репутацію разбитнаго, расторопнаго, услужливаго, ловкаго, или наконецъ *добраго малаго*, на которомъ только воду не вьзять.

\*\*) Лотусъ или египетская кувшинка (*Nymphaea lotus*), съ бѣлыми цвѣтами и сердцевидными листьями, играетъ въ религіи Индійцевъ, какъ и у Египтянъ, большую роль. Корни и сѣмена лотуса, также какъ и родственныи съ нимъ *Nymphaea Nelumbo* чрезвычайно питательны, и древніе народы (?) употребляли ихъ въ пищу; потому то Брамины и Египтяне считали его символомъ производительныхъ силъ природы. (Географическіе очерки и картины. Вып. 5. Москва 1862 г. стр. 187.)

Это растеніе (лотусъ) не выше сажени, очень любитъ воду, имѣетъ двухцвѣтные листья, бѣлый красивый цвѣтокъ съ золотистою чашечкою, а плодъ его похожъ на сплюснутую маковку и имѣетъ внутри маленькое бѣлое сѣмя, обвитое пухомъ, на подобіе хлопчатой бумаги, коричневаго